

История бизнеса без денег

*«- На дороге лежали деньги. Я их подобрал.
Смотрите — они даже не запылились!»
Илья Ильф и Евгений Петров*

Шла вторая половина девяностых. Ельцин, отплясав на предвыборном митинге свой знаменитый на весь мир танец, все-таки одолел Зюганова и снова стал президентом России. Счастья от этого народу не прибавилось. Экономика продолжала лежать на боку, в Чечне шла беспросветная вялотекущая война, по всей стране царил бандитский «беспредел» и возникло ощущение, что народ живет не по законам, а по понятиям. Город Сочи после бандитского Екатеринбургa показался мне очень спокойным. Никто ни в кого не стрелял, «стрелки» не забивал, и даже процветающий в те времена на Урале и в других регионах страны рэкет никто не слышал. Поговаривали, что бандиты как-то собрались на всеобщую сходку в Дагомысе и порешили город Сочи не делить, а оставить местом всеобщего отдыха.

Сочи – прекрасный, уютный тихий город, но жить в нем хорошо, когда у тебя есть деньги. А деньги на курорте зарабатываются очень сложно. Привычных мне заводов и электростанций нет. Сочинские санатории переживают тяжелые времена. Большинство российского народа за время реформ вконец обнищало, те же, кто сумел заработать денег, сменили отпуск на родных югах на Турцию и Египет. Я уже всерьез подумывал достать свою швейную машинку и начать все сначала, но помог случай.

Как-то в начале лета появился в Сочи профорг еще недавно такой родной мне атомной электростанции на Урале. Мы по-приятельски сидели у меня во дворе, жарили шашлыки, пили коньяк и говорили обо всем.

- Совсем плохо стало на станции работать, в стране модно за электроэнергию не платить. Замучили тотальные неплатежи, - жаловался профсоюзный деятель.

И действительно, президент Ельцин менял премьеров, как перчатки, и каждый последующий вводил новые правила игры. Огромную страну лихорадило, как тяжелобольного человека. После гиперинфляции, когда деньги давали всем и помногу, власти объявили режим жесткой финансовой экономии и главным дефицитом стали наличные деньги. Заводы и фабрики остановились или перешли на бартер. В плачевном положении оказались и энергетики, так как первым делом перестали платить за электроэнергию. В ход пошли так называемые зачеты. Электростанция напрямую заключала договоры с предприятиями, гасила за них долг перед энергосистемой, а предприятия передавали электростанции свою продукцию. Профорг приехал в Сочи предлагать санаториям трубы, кирпичи и разные железки производства уральских заводов. Взамен просил путевки, но санаториям трубы и железки были не нужны, а нужны были обыкновенные деньги, которых у станции давно уже не было.

- Вот ты здесь в море каждый день купаешься, а у меня ни одной путевки уже несколько лет на юг не было, - жаловался профорг, - может, ты как-то поможешь? Мы готовы энергорублями по взаимозачетам за путевки платить, даже на тридцать процентов дороже стоимости.

Предложение мне показалось заманчивым, да и помочь своим бывшим коллегам – дело святое. Это было новое интересное предложение, натура предпринимателя звала меня в бой, и через несколько дней я уже сидел в кабинете директора АЭС. В былые времена бывал я здесь частенько. Казалось, что с тех пор ничего не изменилось. Все также со стены смотрел на меня Игорь Васильевич Курчатов, те же его слова под портретом: «Я счастлив, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке Страны Советов», та же солидная социалистических времен дорогая мебель. Но какое-то уныние царило в кабинете, и было понятно, что счастья большого у атомщиков в последнее время нет.

Умный, очень интеллигентный, директор из технарей старой социалистической школы смотрел на меня грустными глазами и говорил:

- Живых денег у нас нет уже давно. Не только на путевки, на зарплату не хватает. Платим только аванс, и то не каждый месяц. Я понимаю, что по взаимозачетам получить путевки будет очень сложно. Начинать надо с Москвы. Они всем командуют. Но, допустим, тебе удастся передать нашу электроэнергию в свой регион и сделать так, что «Кубаньэнерго» будет иметь прямой долг перед нашей станцией, ведь они и сами платить не будут и никогда не допустят прямых договоров с санаториями на путевки. Им тоже живые деньги нужны. Долг пропадет и все. Впрочем, ты парень упорный. Вдруг получится. Дам я тебе для начала миллион энергорублей, лети в Москву в РАО ЕЭС, я позвоню, тебе там помогут перевести их в «Кубаньэнерго».

Когда я вышел от директора, как раз кончилась смена и на автобусной остановке на площади перед станцией стояла моя вахта почти в полном составе. Увидев меня, мужики неподдельно обрадовались:

- Начальник, дорогой наш! Сколько лет, сколько зим!

Мы проработал вместе много лет, и я понял, что без банкета не обойтись. Через профорга заказал в столовой два ведра мяса, приготовленного под шашлыки, и вахта, как в былые времена, собралась на берегу озера. Был конец июня, временами срывался мелкий холодный дождь, лето на Урале появляться не спешило, зато появились злые комары. Они атаковали яростно и беспощадно, не помогали никакие мази и одеколоны. Странно, но уральцев комары жалили меньше, а меня, как южанина, они жрали особенно жестоко. Я беспрерывно колотил себя веткой и бил их сотнями, но вместо убитых появлялись новые бесконечные полчища. Только выпив приличное количество водки, я почти перестал замечать укусы.

- Комары – это что. У нас вот клещи энцефалитные развелись в последнее время. Одного нашего клещ укусил, так он чуть кони не двинул. В больнице лежит, скрючило всего. Ты по кустам не ходи и штаны в носки заправь, это тебе не Сочи, - предупредили меня ребята.

- Ну, клещи - это понятно, а на работе-то как? –

спрашиваю я.

- Да как-то не очень. Аванс иногда платят, иногда нет, зарплату натурой выдают, говорят денег нет, кругом одни взаимозачеты. Недавно вот утками долг отдали. По двадцать облезлых синих уток на человека. А куда их девать? Холодильник один. Так наши жены на рынке в Екатеринбурге ими торговали. Тут краску в банках вместо зарплаты предлагают. А на фига нам краска? Ну а ты как там, на вольных хлебах? Как живешь, чем все это время занимался?

Рассказывать, про свою жизнь и свой домик в Сочи мне не хотелось, и на вопрос:

- Как живешь?

Я риторически ответил:

- Как все, так и я.

- Неужели так плохо! - сокрушенно покачал головой один из моих бывших коллег.

Банкет получился невеселым, ребята больше не жаловались, но было видно, что им обидно за себя, за страну, за энергетику. В конце я пообещал себе, что я сделаю все возможное и невозможное, чтобы эти, ни в чем не виноватые люди, продолжающие, несмотря ни на что, делать свою сложную и важную для страны работу, смогли погреться на южном солнышке и искупаться в море...

В Москве возле здания Центрального диспетчерского управления РАО «ЕЭС России» меня встретил мой старый знакомый, бывший заместитель главного инженера атомной электростанции, а ныне московский чиновник средней руки. Небольшого роста, с явным комплексом Наполеона, он был невероятно тщеславен и считал, что в провинции для него нет достойного будущего. В начале перестройки переехал в Москву в надежде на быструю карьеру, но так и застрял на должности начальника какого-то второстепенного отдела. Бывший уралец приобрел московский говор, столичный лоск, но своей участью и здесь был недоволен.

- Для начала я проведу тебе маленькую экскурсию, - сказал чиновник, протягивая мне пропуск. Мы долго шли по длинным коридорам, новоявленный москвич беспрерывно

жаловался, что кругом блат, его здесь зажимают и совсем не ценят.

- Зарплату вовремя платят? - спросил я.
- Конечно, а как иначе? - удивился чиновник.
- Вот и радуйся, а то на станции зарплату утками дают.
- Какими утками?
- Синими и волосатыми...

Чиновник замолчал и больше не жаловался.

Мы подошли к дверям с надписью: «Посторонним вход строго запрещен». Перед дверями сидел охранник в форме с пистолетом в кобуре. Тщательно проверив наши документы, охранник открыл электронным ключом дверь.

Мы прошли в святая святых, на главный щит центрального диспетчерского управления РАО «ЕЭС России». В большом полукруглом зале с высоким потолком одна из стен была полностью занята схемой электроснабжения России и ближнего зарубежья. Схема светилась неоновыми линиями, мигала разноцветными лампочками и была усеяна разными приборами. За длинным пультом управления перед компьютерами работали операторы.

- Здесь центр управления самой большой энергетической компании мира РАО «ЕЭС России», почти пятьсот тысяч работающих, больше тысячи электростанций, десятки тысяч километров линий электропередач, - гордо рассказывал чиновник, беспрерывно поправляя модный галстук.

Вид у него при этом был такой, как будто именно от него зависит, будет ночью свет во всех уголках нашей Родины или наступит крошечная темень.

- Вон та маленькая красная лампочка почти посередине схемы – твоя АЭС на Урале, а светящиеся линии в левом нижнем углу – «Кубаньэнерго», - продолжал чиновник, - как видишь, передать вашу электроэнергию через пол страны очень сложно, да и не нужно. Все можно сделать на бумаге. Я готов помочь всего за пару путевок в приличный санаторий.

- Еще медведя не видно, а клочья из шкуры уже дерут, –

подумал я, а вслух спросил, - А в «Кубаньэнерго» согласны?

- А мы их и спрашивать не будем, я начальник отдела или кто?

- Ну, раз начальник, я – «за», даже очень «за». Будут тебе путевки, собирай чемоданы, и галстук не забудь, – и я погладил его роскошный модный галстук.

За час я получил необходимые бумаги и уже вечером улетел домой.

В Сочи, не мудрствуя лукаво, я решил начать с ближайшего к дому санатория, где работал давний мой знакомый – заместитель директора Сергей Федорович. Это был большой и очень хороший санаторий, принадлежащий комбинату «Норильский никель». У санатория, как и у всех, денег не было. Поэтому идея заплатить за электроэнергию путевками, да еще и по достойной цене, пришлась санаторскому начальству по вкусу. Мы заключили договор на целых сто путевок, по шесть тысяч рублей за каждую, составили график заездов, выпили коньячку и на следующий день, встав в четыре утра, я покатил на своей машине в Краснодар в «Кубаньэнерго». Шесть долгих часов по серпантину от Сочи до Краснодара меня вымотали так, что в здание «Кубаньэнерго» я зашел, покачиваясь. В приемной заместителя директора, который занимался взаимозачетами, сидела толпа ходоков со всей Кубани. Казалось, что денег нет ни у кого, ходоки предлагали заплатить за электроэнергию зерном, коровами, яйцами.

Три долгих часа я ждал своей очереди. В просторном кабинете большой лысый человек под портретом Бориса Ельцина без интереса посмотрел на меня и продолжал перелистывать бумажки. Я минут десять, сам удивляясь своему красноречию, рассказывал ему про бедственное положение энергетиков-атомщиков, про больных чернобыльцев, про уток и краску вместо зарплаты.

- Никаких взаимозачетов с санаториями у вас не будет, пусть платят нам живыми деньгами, иначе будем отключать, - безжалостно, твердо и четко сказал большой лысый человек, - а вашей станции мы заплатить не сможем. Мы у вас

электроэнергию не просили, денег у нас для вас нет.

Я вышел оглушенный. Около кабинета крутились жуликоватого вида личности. Я подошел к одному из них.

- Один к двум, и мы все решим, – сказала личность.

- Как один к двум?

- Одна путевка вам, две нам, и я подпишу вам договор.

- Но это же грабеж! - возмутился я.

- Это бизнес, - сказала личность.

Там люди на атомной станции в особо вредных условиях труда работают, который год без отдыха, а у тебя, гад, значит, бизнес, - я уже готов был съездить бизнесмену по роже, но жуликоватая личность исчезла в одном из кабинетов.

Вот и все! И я покатил обратно свои шесть часов по серпантину.

- Сволочи! Гады! - ругался Сергей Федорович, выслушав мою историю. - Без меня меня женили! Одни бабки в глазах, ничего святого!

- Не имеют права, - сказал, вызванный юрист санатория, - надо подавать в суд, мы легко выиграем.

- Ну да, только пока мы судимся, они мне электричество отключат, а у меня вся кухня на электроплитах, чем людей кормить буду? - сокрушался замдиректора.

- Ладно, я твой договор генеральному директору «Норильского никеля» передам, там через Москву пусть решают. А твои атомщики пусть едут, а то так и лето скоро кончатся, - закончил Сергей Федорович.

Шли дни. В санаторий поехали мои атомщики, а договор так и не был подписан. Сергей Федорович ходил темнее тучи. В санатории уже несколько раз предупредительно на два часа отключали электроэнергию. Я задействовал все свои связи, но ни глава администрации города Сочи, ни председатель депутатского корпуса, ни генеральный «Норильского никеля» не смогли повлиять на большого лысого человека из «Кубаньэнерго». Надо было останавливать заезд и как-то разбираться с уже имеющимися долгами. Самое плохое было то, что отвечать за уже

переданные и неоплаченные путевки придется мне, ведь я был гарантом по договору. В общем, попал я с этим бизнесом по полной.

И вдруг я узнаю, что в Сочи на пару дней приехал Борис Немцов, а Немцов был лучшим другом и соратником по партии тогдашнего генерального директора РАО «ЕЭС России» Анатолия Чубайса. Мой сочинский друг Володя в то время был координатором партии Немцова «Союз правых сил» в Сочи, и я через него договорился о встрече и рассказал Борису Ефимовичу про свою проблему.

- Пиши письмо на имя Чубайса, я у него подпишу, - сказал Немцов. - Мне лично за это ничего не надо, вот Володе помощи, он без работы остался.

Володя, действительно, попал в странную историю и остался без денег и без работы.

Несколько месяцев назад он взял кредит в банке, закупил на Кубани партию местных плодоовощных консервов и отправил их на свою родину в Хабаровск. Там передал в центральный магазин города на реализацию и стал ждать денег. Консервы хорошо продавались, однако директор магазина, ушлая тетка, денег не платила. Время шло, проценты по кредиту росли, прибыль таяла на глазах. Володя несколько раз требовал своих денег, но получал только обещания. Наконец, он в сердцах сказал ей, что, если завтра денег не будет, он взорвет к чертям ее магазин. А ночью в магазин кто-то кинул гранату. Никто не пострадал, да и разрушений особых не было, но тетка тут же накатала заяву в милицию, указав Володину угрозу. Мой друг чудом сбежал от хабаровских ментов, на перекладных добрался до Сочи и затаился. То ли директриса специально подстроила этот взрыв, то ли у нее были еще какие недоброжелатели, так и не выяснилось, но денежек от нее ждать больше не приходилось. Положение у моего друга было плачевное: в Сочи с кредитом поджимал банк, в Хабаровске ждали менты. Я предложил ему, пока все не утрясется, поработать вместе по взаимозачетам с равными правами и половиной прибыли, справедливо рассудив, что в любом сложном деле вдвоем и

проще, и веселее. Володя с радостью согласился.

Через несколько дней письмо для «Кубаньэнерго» с короткой визой Чубайса – «Оказать содействие» было у меня в руках. Окрыленные, мы с другом покатали в Краснодар.

- Нам ваш Чубайс не указ, он вообще не энергетик и никогда им не был, - раздраженно говорил мне большой лысый человек в просторном кабинете. - Чубайс мечтает все РАО распродать, надо ведь что придумал – генераторы приватизировать, а остальное государству оставить. Прямо второй Ленин – землю крестьянам, а урожайчик нам! Есть только один настоящий энергетик в его команде – Панфилов Сергей Николаевич, вот если он команду даст, тогда мы подпишем.

Через день мы с Володей уже были в Москве, в приемной Панфилова. Здесь решались миллиардные дела, приемное время было расписано на неделю вперед. Если бы не виза Чубайса, нас бы с мелочными путевками и на порог не пустили. К счастью, мой друг прекрасно умел ладить с дамским полом. Он подарил секретарше коробку дорогих конфет, наговорил кучу комплиментов, навешал лапши на уши, что он лучший друг и правая рука Немцова и уговорил запустить нас без очереди.

- У вас три минуты, - сказала секретарша, выбрав время между мэром одного из городов и заместителем какого-то министра. Я с дрожью в коленках открыл дверь. На меня из-за массивного стола смотрел Паня! Паня – Сережка Панфилов – мой друг и сокурсник по Ивановскому энергетическому институту. Вот это номер! Серега Панфилов – заместитель у Чубайса. Паня сильно увеличился в размерах, поседел, обзавелся дорогим костюмом, но это был все тот же Паня, и он узнал меня мгновенно. Мы обнялись. Вместо трех минут я просидел у Панфилова минут сорок. Секретарша дважды звонила и говорила, что в приемной ждет заместитель министра, но Серега только отмахивался – подождет. Сообразив, что теперь все будет нормально, Володя исчез в приемной, все там правильно организовал, и через пару минут секретарша уже принесла поднос с

коньяком и конфетами. Мы вспоминали студенческие годы, девчонок, по которым вместе ходили, и общих друзей. Оказалось, что в энергетике из нашего выпуска почти никто не остался. Украинские евреи поголовно сбежали из многострадальной страны, кто в Америку, кто в Израиль. Остальные ушли в бизнес: обзавелись магазинами, строительными фирмами, финансовыми компаниями, а главный отличник факультета вообще организовал банно-прачечный холдинг.

- А у нас кадров не хватает, - жаловался мой студенческий друг, - может, ты у нас поработаешь, ты ведь заместителем директора АЭС был? Чубайс интересную реформу приватизации энергетики проводит. Купишь потом всю АЭС в собственность и будешь там править.

Я вспомнил грустные глаза директора станции и подумал, что я совсем не хочу обратно на Урал и не нужны мне реакторы, нейтроны, электроны и особенно облезлые синие утки.

- Нет, я теперь в Сочи. Море, хурма, виноград, путевки.

- Так ты теперь в Сочи, вот молодец! - говорил Сережа. А я здесь сутками пашу, на неделю на охоту выберусь и опять в этот кабинет. Эх, бросить бы все и уехать к тебе в Сочи!

- Не вопрос, буду только рад, можешь пожить у меня или устрою в лучший санаторий или гостиницу.

В глазах сокурсника мелькнул огонек надежды и тут же угас:

- Ну да, здорово бы...

Наконец добрались до моего письма.

- Все не так просто, - разъяснил мне ситуацию мой студенческий приятель, - есть жесткое указание самого премьера Кириенко взаимозачеты прекратить, слишком много жуликов вокруг этого крутится. За энергорубль тридцать копеек дают. Энергетики голодают, а посредники жируют. Договор мы твой, конечно, подпишем, я сам позвоню, но больше зачетных путевок не будет, хотя вот что, ты поработай с военными санаториями. Есть указание того же Кириенко военные объекты не отключать и санатории для

вояк попали в это число. Вот они и обнаглели, не платят вообще, а просто ждут, что в конце года долги их спишут. Так что, тут тебе и карты в руки.

Мы тепло простились, и я прямо из Москвы улетел в Краснодар. Большой лысый человек на этот раз принял меня крайне любезно.

- Знаю, знаю, Сергей Николаевич звонил. Вы бы сразу сказали, что вместе с ним учились.

- Откуда я знал, что Паня в замы к Рыжему вылез, - подумал я, но вслух сказал:

- Я еще и с Немцовым накоротке, в Москве говорят, что он скоро президентом будет, - пошутил я с серьезным видом. Лысый шутки не понял и посмотрел на меня с уважением.

- Вы нас строго не судите, у нас ведь свои проблемы. В свое время кредит большой в банке «Сочи» взяли на ремонт сетей, а отдать не можем. Банк нам банкротством грозит, вы бы там с директором банка поговорили, у вас ведь такие связи, - продолжал большой лысый человек.

- Знаю я ваши проблемы, вон жулики по коридорам бегают, «один к двум» за взаимозачеты предлагают, - подумал я, но поговорить с кем надо пообещал.

Если гражданские санатории мечтали провести взаимозачеты, но им не давали в «Кубаньэнерго», то с военными все было с точностью до наоборот. Вояки не платили ни деньгами, ни путевками, в «Кубаньэнерго» сделать с ними ничего не могли.

- Платить, конечно, надо. Неправильно это, энергетикам не платить. Но ведь и государство нам не платит, – пояснял мне начальник одного из санаториев, весьма интеллигентный и умный полковник ВВС. - Даже в наш санаторий путевки боевым офицерам дают только по две на семью, на жену положено, а на детей уже нет. Так офицеры на надувных матрасах в своих номерах втихомолку детей селят, котлеты из столовой таскают, детей кормить. Денег-то им совсем не платят – стыдно за страну!

- Ну вот здесь мы им поможем, - сказал я. - Создадим при санатории «Фонд помощи детям военных» и энергетики

передадут туда безвозмездно двадцать процентов от всех путевок, полученных по зачетам.

Идея санаторному начальству понравилась.

- Я мзду не беру, мне за державу обидно! - полковник повторил фразу незабвенного Верещагина из «Белого солнца пустыни», разливая в своем кабинете водку по стаканам. - До вас всякие жулики приходили, деньги лично мне предлагали, но я не соглашался. У меня ведь боевые офицеры отдыхают. Многие Афган прошли, Чечню. Они, если бы узнали, что я с жуликами связался, коленку бы мне прострелили и правильно бы, кстати, сделали. А здесь я атомщикам, чернобыльцам путевки отдаю, а наши вертолетчики тоже на Чернобыле были, рассказывали, что там похуже, чем на войне было. Еще путевки детям бесплатно будут. Меня ведь за это офицеры еще больше уважать будут.

- Правильно, так и генерала получишь. Я лично попрошу Чубайса, он перед твоим министром похлопочет, - пошутил Володя.

Полковник шутку понял и оценил. Мы тут же подписали договор и на долгие годы подружились. Убедившись, что мы свое слово держим, и у нас все получается, полковник стал рекомендовать нас своим коллегам и через него мы вышли на другие военные санатории. Благодаря его рекомендациям нас везде очень тепло принимали. Хотя случались и комичные ситуации.

Как-то мы с Володей приехали в санаторий внутренних войск. Большие зеленые армейские ворота с красными звездами нам открыли настоящие рядовые солдаты в полевой форме. Санаторий был больше похож на военную казарму. Все дорожки аккуратно по бокам побелены известью, газоны пострижены в форме пятиконечных звезд, а на площади перед главным корпусом красовался настоящий строевой плац со специальной разметкой и плакатами. На них brave розовощекие солдаты в начищенных до блеска сапогах показывали, как надо ходить строевым шагом, а перед самым входом красовался плакат с надписью – «Болтун – находка для шпиона». Что мог разболтать

страшному карикатурному шпиону отдыхающий в санатории МВДешник, не уточнялось, но мы как-то сразу прониклись и примолкли.

Принял нас в своем кабинете седой подтянутый полковник в полевой форме с густыми, вконец прокуренными усами. Полковник беспрерывно курил деревянную трубку, от вонючего дыма слезились глаза и душил кашель. Обстановка в кабинете была крайне простой, можно даже сказать, нищей. Покрашенные масляной зеленоватой краской стены, старые деревянные стулья, простой стол и... все. Никаких модных кожаных диванов, картин и телевизора. На давно не крашеной выцветшей стене явно проступал темный квадрат от висевшего ранее портрета, но самого портрета не было. Видимо, лик нынешнего президента страны был неприятен начальнику санатория. Я подумал, что из наших бывших правителей к этому интерьеру идеально подошел бы только портрет Сталина с такой же трубкой и почти в таком же кителе, как у полковника.

- Я бы вас не принял, но за вас просили, - сказал он после нашего «Здравия желаем, товарищ полковник». - Путевки по зачетам я вам, так и быть, дам, но только начиная с октября, летом у меня своих желающих достаточно. Но учтите, режим у нас строгий – подъем в шесть утра, отбой в десять. Никакого спиртного и разврата. Все по графику. И чтоб чистота и порядок. А то жил у меня тут один «новый русский», я его в генеральский коттедж пустил, а он курил в неподобающих местах и окурки разбрасывал. Я ему говорю: «Окурки свои собери и в урну отнеси», а он: «Пусть твои солдатики собирают, я за все заплатил». Я его на губу и отправил. У меня тут кладовка во флигеле есть, без окон, так я ее в губу переделал, очень даже прилично получилось. Три дня в кутузке посидел, стал как шелковый. Я бы его и дольше подержал, но жена каждый день приходила, отпустить просила. Я ей объяснял, что это для его же пользы, порядку научится, похудеет. А она мне: «У него сердце, у него сердце!» А у меня, может, тоже сердце кровью обливается, мне за страну, за армию обидно! А тут этот «новый русский»,

мать его! - сердито добавил полковник и аккуратно сплюнул в блестящую белую урну.

Говорил полковник все это неторопливо, убедительно, явно подражая манере «отца народов». Иногда мне хотелось встать по стойке смирно и сказать: «Так точно, товарищ Сталин!»

- А плац в санатории зачем? - спросил Володя.

- Как это зачем? А если завтра в поход, а мы не в форме! У меня каждое утро после зарядки занятия на плацу. Очень дисциплинирует и для здоровья полезно, - гордо сказал полковник.

Показать нам номера полковник решил сам лично, и мы почти строевым шагом направились в спальные корпуса. В вылизанных до блеска номерах стояли обыкновенные деревянные кровати, аккуратно застеленные серыми одеялами. Пахло хлоркой и сапожной ваксой. Я представил себе, как дневальный по утрам кричит: «Подъем», и отдыхающие вскакивают и стройными рядами бегут на плац.

- А форму и сапоги выдаете? - пошутил я.

- Не положено. В бюджете не предусмотрено, - на полном серьезе ответил полковник и грустно вздохнул.

Я представил себе моих атомщиков, марширующих на плацу или сидящих на губе, и понял, что спасибо мне за этот «санаторий строгого режима» никто не скажет. Когда за нашей машиной закрылись железные зеленые ворота, я облегченно вздохнул и сказал:

- Да здравствует дембель!

- После такого любая теща ангелом покажется, - смеялся Володя...

Очень забавно проходили переговоры с санаторием службы внешней разведки. Наши новые друзья позвонили начальнику санатория, и он обещал помочь. Но сам был постоянно в разъездах, может, шпионил где, не знаю. Всеми делами занимался его заместитель – довольно молодой подполковник. Заместитель, похоже, не очень жаждал отдавать путевки за взаимозачеты и, хитро улыбаясь, всячески выкручивался.

- Я бы рад с вами поработать, - говорил он мне, - но у нас же кругом конспирация. Даже план санатория и тот с пометкой ДСП – «для служебного пользования». А списки наших отдыхающих вообще под грифом «секретно». Отдыхающий ведь сегодня у нас на пляже лежит, а завтра в Америке возле Белого дома якобы пирожками торгует, а на самом деле вражеские секреты высматривает. Кто-нибудь его здесь на пляже сфотографирует, в ЦРУ передаст и конец его пирожкам.

- Так у меня же атомщики, народ проверенный, к атомным секретам допущенный, - уговаривал его я.

- Ладно, будем думать, - подвел итог разговору подполковник.

Через несколько дней он переслал мне по факсу дополнительные условия к нашему договору из 12 пунктов.

По условиям в санаторий допускались лица, имеющие первую или вторую формы допуска к государственной тайне, списки утверждались за месяц до заезда, запрещался вход в другие корпуса, кроме места проживания, запрещался контакт с другими отдыхающими санатория, запрещалась видео и фотосъемка на территории и прочее и прочее.

- Еще один санаторий строгого режима, хорошо еще, что пункт «Шаг влево, шаг вправо – расстрел» не вписали, - подумал я и переслал приложение профоргу электростанции. На следующий день мне позвонил заместитель директора БАЭС по режиму.

- Где я тебе столько людей со второй формой допуска возьму? У нас их на всю станцию десять человек из руководства. Третью форму еще можно оформить быстро и без проблем, а вторую только в ФСБ оформляют и три месяца проверяют, - негодовал «режимщик».

- Ты сам в комитете раньше служил, ну вот приезжай в Сочи и сам со своим «братом по разуму» договаривайся, - отрезал я.

Через пару дней бравый подполковник КГБ в отставке, а ныне заместитель директора БАЭС по режиму прибыл в Сочи для выполнения боевого задания. Задание выполнялось в

одном из лучших ресторанов города, куда был приглашен действующий подполковник – заместитель директора несговорчивого санатория. Я держался, как мог, но на четвертой бутылке водки и на обсуждении восьмого пункта приложения к договору сломался, попросил пощады и, покачиваясь, покинул поле брани. Подполковники держались до конца! Утром «режимщик» поправлял здоровье пивом у меня в офисе и переписывал заново соглашение. Вторая группа допуска была заменена на третью, запрет оставили только по отношению к видео и фотосъемке, в остальных пунктах унижительное «запрещается» изменили на нейтральное «не рекомендуется».

- Хороший парень, но слабоват, – вспоминал своего «брата» подполковник в отставке, - я ему вчера, в конце вечера, предлагал еще по девочкам поехать за счет нашей фирмы, а он только головой мотал, мычал и домой просился.

- А он вспомнит, что все пункты согласовал? - засомневался я.

- Обижаешь, начальник! - сказал «режимщик» и показал мне черновик, который мы правили в ресторане. На листке, вместе с жирными следами вчерашнего ужина, стояла кривая надпись: «Разрешаю все и навсегда», вместо подписи был отпечаток пальца, и стояла большая буква «Я».

- Действующий подполковник принял нас как родных. Удивительно, но на его чисто выбритом, обильно надушенном буржуйским одеколоном лице не было никаких следов вчерашних сложных переговоров.

- Вот она, боевая подготовка настоящего разведчика, - подумал я.

Без лишних разговоров он вычеркнул еще несколько «не рекомендуемых» пунктов и размашисто подписал дополнительное соглашение.

- С вами и в разведку можно, не только в санаторий, - сказал он и весело продолжил, - если честно, у меня настоящих разведчиков раз-два и обчелся, в основном тыловые крысы из управления, а они на фиг никому не нужны. Так что посылайте своих смело, но для солидности,

чтоб с каждым провели инструктаж по полной, и чтоб подписка о неразглашении была.

- Не сомневайся, лично с каждым беседу проведу, они здесь по струнке ходить на море будут! - убедительно пообещал подполковник в отставке.

На самом деле отдых в этом санатории оказался весьма демократичным. Никаких ограничений никто не вводил, на территории работал хороший бар, проводили дискотеки, и мои атомщики весело выплясывали вечерами рядом со «шпионами».

Большой лысый человек в «Кубаньэнерго» всегда удивлялся, подписывая очередной договор с военным санаторием:

- Как вам это удастся? Мы к этим воякам кого только не посылали. А они платить отказывались. А у вас платят.

- Мы с ними одной крови. Нам за державу обидно, - отшучивался я.

- Вы обещали с банком «Сочи» переговорить, - всякий раз напоминал мне заместитель директора «Кубаньэнерго», - совсем нас зажали, счета через суд перекрыли, работать не дают.

Специально идти в банк в качестве просителя не хотелось. Случай представился во время одной из встреч с избирателями в ходе предвыборной кампании. Председатель правления банка «Сочи» Юрий Бондаренко на тот момент уже был депутатом Городского собрания Сочи, но рвался в Законодательное собрание края. На встречу с избирателями народный избранник приехал на большом золотом «Мерседесе». «Мерседес» был не медный, не бронзовый, а именно золотой и светился на солнце, как купол на Храме Христа Спасителя. Вокруг народного избранника крутились две длинноногие девчонки-помощницы и периодически что-то шептали ему на ушко. Рядом сидел упитанный уважаемый человек в дорогих очках с кожным портфелем, похоже, референт или пресс-секретарь, на входе в зал стреляли глазами два «мордovorота»-охранника. В общем, присутствовал полный комплект ближнего окружения

банкира-депутата того времени. Сам Юрий Бондаренко совершенно не был похож на стереотип «нового русского» в малиновом пиджаке. Высокий, худощавый, в безупречном темно-синем костюме, с тонкими чертами лица, он скорее был похож на английского аристократа. Несмотря на полное отсутствие модных в то время толстых золотых цепей и сверкающих перстней, весь его вид говорил о том, что деньги здесь есть и деньги большие.

Речь кандидата в депутаты ЗСК была краткой:

- Сочи - лучший город на Земле, здесь есть все – море и горы, пальмы и солнце. Но для того, чтобы сюда поехали туристы со всего мира, нужны комфортабельные отели, хорошие дороги и парки развлечений. А чтобы построить все это – нужны деньги.

Создавалось ощущение, что только он один знает, где эти деньги взять.

- Когда я стану депутатом Законодательного собрания края, я привлеку в город краевые деньги, а когда буду депутатом Государственной Думы, то и федеральные, и тогда Сочи станет новым Майами – сюда поедут богатые буржуи со всего мира и повезут свои доллары, фунты и марки, - уверенно вещал на весь зал банкир. - Жители города станут богатыми и счастливыми! Всех вас уже сегодня ждет счастье в банке «Сочи», где, кстати, самые высокие в городе проценты по вкладам!

Под бурные аплодисменты и заранее проплаченные крики «браво» длинноногие помощницы стали раздавать всем желающим пакеты, в которых что-то булькало и вкусно пахло.

Я вспомнил речь Остапа Бендера в Васюках и подумал, что у этого современного комбинатора запросы гораздо более крутые, и миллиона от Корейко ему явно маловато.

После речи Бондаренко было запланировано выступление кандидата от коммунистов. Кандидат начал с того, что пакеты – это подкуп избирателей и нарушение закона. Тогда в полемику вступил упитанный референт Бондаренко. Он заявил, что сегодня, оказывается, великий

всенародный праздник – День взятия Бастилии, а потому пакеты это никакой не подкуп, а подарки в честь праздника. Зал шуршал пакетами и кандидата от коммунистов никто уже не слушал. В битве между коммунистическими идеями и деньгами явно побеждали деньги.

Моя встреча с Бондаренко была заранее согласована через его коллег городских депутатов и сразу после собрания мы прошли в отдельный кабинет.

- Я знаю, кто вы и зачем пришли, у меня хорошо работает служба безопасности, - сказал банкир, отодвигая холеными пальцами предложенную мной визитку.

- Можете передать в «Кубаньэнерго», что мне требуется эксклюзивное право забирать в санаториях по зачетам за долги летние путевки. Интересует только лето, причем со значительным дисконтом. В случае отказа санатории надлежит безжалостно отключать!

- Все не так просто, – подумал я, вспомнив слова Панфилова об указании премьера прекратить взаимозачеты между предприятиями, а вслух сказал:

- Ну что санатории – мелочь. Я предлагаю вам выкупить за долги пакет акций «Кубаньэнерго», ввести в совет директоров своего человека, а после приватизации, проводимой Чубайсом, выкупить «Кубаньэнерго» полностью. Тогда вы сами будете решать, кого отключать, а кого нет! Кто владеет энергетикой, тот владеет всем! Весь Краснодарский край будет у ваших ног!

В холодных глазах банкира загорелась искорка интереса. Возможность стать великим властителем края ему явно понравилась. Через несколько дней банкир сам позвонил мне и сказал, что с «Кубаньэнерго» достигнута договоренность о погашении долга акциями энергосистемы. В совет директоров будет введен полномочный представитель от банка, и эта почетная и достаточно высокооплачиваемая работа предлагается мне.

- Еще один желающий накинуть хомут на мою шею, – подумал я и вежливо отказался.

С Юрием Бондаренко мы больше не встречались. Он

прошел в депутаты ЗСК, но счастья от этого сочинскому народу не прибавилось. Наоборот, через несколько лет банк «Сочи» внезапно объявил себя банкротом. Обманутые вкладчики тщетно ломались в закрытые двери банка – ни денег, ни руководства там уже не было. После проверки оказалось, что куда-то бесследно пропали два с половиной миллиарда рублей. Менять золотой «Мерседес» на тюремные нары Бондаренко не захотел. Депутат ударился в бег и был объявлен в международный розыск. Нашли его на Украине, но украинские власти отказались выдавать новоявленного гражданина самостоятельной и незалежной, тогда обманутые партнеры выехали сами для «переговоров и расчетов». Чем закончились «переговоры», широкой публике не сообщили, но украинские власти после этого объявили, что выдавать российскому правосудию им уже некого.

Между тем, моя история моего бизнеса продолжалась. Белоярская АЭС исправно переводила энергорублю. Из тридцати процентов комиссионных двадцать я передавал военным санаториям в детские фонды, а десять оставлял своей фирме в виде честного заработка. Все были очень довольны.

Целых два года прожил мой зачетно-путевочный бизнес. Несмотря на все постановления и требования, победить взаимозачеты в условиях жесткой монетарной политики не удавалось. Положение изменилось только после дефолта 1998 года, когда после обвала рубля и отставки Кириенко новые правители просто напечатали денег и впрыснули их в экономику. Оставшиеся в живых предприятия получили наличные деньги, и перешли на нормальную цивилизованную форму расчетов. Но сам дефолт мне и всему российскому народу запомнился надолго и это уже другая увлекательная история...